

Татьяна Николаевна Смирнова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат философских наук,
доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры,
Екатеринбург, Россия
e-mail: smirnova.tatiana@urfu.ru

Социологический подход к изучению эго-документов: возможности использования в культурологических исследованиях

Аннотация. В статье исследуются подходы к изучению эго-документов (автобиографических нарративов), характерные для социологии, которые могут быть применены в философском исследовании культуры на основе дополнительности. Названы основные исследовательские стратегии, применяемые в социологическом и философском исследовании жизнеописаний. В зависимости от целей и задач, которые ставит перед собой ученый, названы различия в подходах к пониманию эго-документов и принципах сбора автобиографической информации, а также разные социологические типологии автобиографических повествований. Целью статьи является показать фундаментальные различия в методологии исследования эго-документов разных научных дисциплин на современном этапе развития гуманитарной науки и определить возможность использования специально научных методов социологии в философском исследовании.

Ключевые слова: эго-документ, автобиографический нарратив, жизнеописание, биографический метод, качественные методы, герменевтический метод.

Tatiana N. Smirnova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture,
Ekaterinburg, Russia
e-mail: smirnova.tatiana@urfu.ru

Sociological Approach to the Study of Ego-Documents: Possibilities of Use in Cultural Studies

Abstract. The article examines approaches to the study of ego-documents (autobiographical narratives) characteristic of sociology, which can be applied in the philosophical study of culture based on complementarity. The main research strategies used in the sociological and philosophical study of life stories are named, depending on the goals and objectives that the scientist sets for himself, the differences in approaches to understanding ego-documents and the principles of collecting autobiographical information, as well as different sociological typologies of autobiographical narratives are named. The purpose of the article is to show the fundamental differences in the methodology of studying ego-documents of different scientific disciplines at the present stage of development of the humanities and to determine the possibility of using specifically scientific methods of sociology in philosophical research.

Keywords: ego-document, autobiographical narrative, biography, biographical method, qualitative methods, hermeneutic method.

Введение (Introduction)

Изучение эго-документов как источника новых знаний на современном этапе развития гуманитарных наук претерпевают очередной подъем. Обращаясь к исследованию эго-документов, мы рассматриваем инструментарий и методы социологии, и возможность их применения в философском исследовании по принципу дополнительности. Даже придерживаясь одной методологии, представители разных наук ставят разные цели, обращают внимание на

разные смысловые акценты в автобиографическом материале и т. д. Многие современные исследователи обращаются к исследованию эго-документов, а общегуманитарные методы, такие как биографический, нарративный, герменевтический, дискурс-анализ, в разных дисциплинах служат для разных целей. Также различные дисциплины имеют разные исследовательские поля, задачи и логику.

Термин эго-документ, изобретенный историком Жаком Прессером, так же, как и интерес к исследованию доку-

© Смирнова Т. Н., 2024

Для цитирования: Смирнова Т. Н. Социологический подход к изучению эго-документов: возможности использования в культурологических исследованиях // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 70–74. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-70-74

ментов личного характера в науке, появился после Второй мировой войны, в 1950-е гг. Наибольший интерес долгое время эго-документы вызывали именно у историков. Тем не менее представители других социогуманитарных направлений тоже используют в своих исследованиях эго-документы. Проблема автобиографического материала, использования в социологических исследованиях разного рода документов, в том числе мемуарного и автобиографического характера, занимала еще П. Бурдьё и его последователей. Однако П. Бурдьё критикует биографический метод за так называемую иллюзию анализа реальной жизни [1], так как биография, имея линейную структуру и причинно-следственные связи, сформированные автором рассказа, не имеет отношения и реальной жизни, а является художественным произведением. В отечественной науке эго-документы как источник стали использоваться в 1990-е гг.

Объект исследования — социологический подход и исследованию эго-документов, рассмотренный с разных исследовательских позиций в рамках гуманитарного знания. Предмет исследования — исследовательский потенциал социологического подхода, границы применимости и эффективность социологических инструментов в анализе эго-документов в рамках философского исследования.

Гипотеза исследования заключается в доказательстве дополнительной пользы использования разных подходов к исследованию эго-документов. Ученые выбирают различные подходы к интерпретации материала, выбору информации, типологии эго-документов, исследовательским выводам. В известной степени опровергается универсальность гуманитарных методов, поскольку для разных научных областей и целей исследования выделяются собственные механизмы и алгоритмы исследования, работа с эмпирическими данными и источниками.

Методы (Methods)

Основным методом исследования является философско-методологическая компаративистика, заключающаяся в сравнении подходов к исследованию, интерпретации содержания эго-документов с точки зрения разных дисциплин. Используется герменевтический подход к изучению эго-документов, заключающийся в понимании и интерпретации содержательных частей и целого текста документа, который лежит в основе философского подхода к рассмотрению эго-документов. Нарратологический метод, имея объяснительную природу, позволяет обосновать различие в подходах разных гуманитарных дисциплин.

Литературный обзор (Literature Review)

Обращаясь к наиболее актуальным методическим подходам к исследованию эго-документов, мы рассматриваем разные научные парадигмы, в рамках которых эго-документы являются объектом и предметом исследования: социология и философия. *Социологические* методы исследования эго-документов (автобиографических нарративов) рассмотрены в работах отечественных ученых В. Б. Голофаства, Н. Н. Козловой, Н. Н. Цветаевой, Е. Р. Ярской-Смирновой и др.

Эго-документы (автобиографические и биографические жизнеописания) становились объектом рассмотрения многих ученых, среди которых Ж. Прессер, В. Шульце, Ф. Лежён, Р. Барт, Ю. Лотман, И. В. Голубович, С. И. Пискунова, А. Б. Николаева и др.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В социологии, как правило, исследовательский интерес представляют не столько эго-документы, сколько автобиографические нарративы или автобиографические повествования. «Термин “нарратив” в переводе с английского — “повествование”, “рассказ”. В западной социологии этот термин используется для обозначения любых текстовых данных “качественного” характера» [2, с. 490]. Такой выбор терминологии связан, прежде всего, с тем эмпирическим материалом, с которым данная дисциплина имеет дело: интервью, рассказы о своей жизни, автобиография на определенную тематику, где информант отвечает на вопросы-стимулы исследователя. Такие документы создаются под определенным давлением, зачастую имеют жанровые ограничения или четко очерченный круг вопросов интервьюера, а порыв автора к созданию эго-документа стимулирован извне.

Всегда ли причина создания автобиографии внешняя, каковы предпосылки и мотивация автора автобиографии? Что способствовало написанию автобиографии, чем руководствовался автор при написании, ориентировался ли на потенциального читателя? Если да, то как представляется этот читатель, стояла ли проблема цензуры и отношения окружающих? Эти и другие вопросы занимают исследователя биографии в социологии.

Как происходит написание автобиографии и что способствует началу работы над ней, рассуждает В. Б. Голофаств, исходя из того, что повседневность нечасто располагает к написанию автобиографии, за исключением особых событий, таких как ритуальные ситуации «...личные или семейные годовщины (памятные, круглые, юбилейные даты, дни рождения, поминовения), а также требования к человеку в особых ситуациях “раскрыть себя” (при поступлении на учебу, работу, при проверке личности в милиции и т. п.). Вообще биографический импульс предполагает открытость, доверительность, искренность, снятие моральных запретов... Эти условия не всегда отличают обычные отношения» [3, с. 73]. Таким образом, обыденное и биографическое сознание имеют некоторые отличия, лежащие в области времени и восприятия: «Пространство биографического сознания не только шире пространства обихода, поскольку привычное окружение, сегодняшние мысли, чувства, слова были другими вчера и совсем иными когда-то. Биографическое пространство иначе устроено и обустроено» [3, с. 73].

Ссылаясь на П. Бурдьё, Голофаств ставит вопрос о жанровых законах автобиографических текстов: какая структура должна быть у такого текста, должны ли быть начало и конец (смысловые начало и конец, если это автобиография с определенным сюжетом), нужно ли последовательно излагать события. Иной раз в автобиографиях (имеются в виду литературные автобиографии) законы жанра доминируют над мотивами написания, когда жанр диктует свои

условия, а не моральная смелость и готовность высказаться, но моральная составляющая текстов, как правило, не имеет большого значения, поскольку обычные люди, вызывающие наибольший интерес социологов, редко выходят за границы нравственной нормы. Так же, как и Бурдые, Голофаст ставит вопрос о необходимости линейности автобиографии, так как это удобнее для исследователя и с точки зрения здравого смысла подобное изложение последовательно и логично.

Типология автобиографических нарративов в рамках социологии существует в нескольких плоскостях. В. Б. Голофаст дает типологию автобиографических повествований исходя из подхода к получению эмпирической информации: тематизированная автобиография — когда есть определенная тема, история, возможно даже сюжет, описывается определенная часть жизни, есть жанровая рамка, и нетематизированная автобиография — без внешнего давления, без заданной рамки повествования, без определенной темы, простое описание жизни. Это классическая социологическая типология автобиографических текстов, которая включает также отредактированную автобиографию (полные, тематические и отредактированные автобиографии). Двойная сущность тематизированных автобиографий заключается в одновременном стимуле к рассказу тематическими ограничениями и ограничении рассказа о жизни тематикой, с одной стороны, ограничение вопросами и собственно темой, с другой стороны, вопросы, тематическая рамка стимулируют рассказ. В случае с нарративным интервью не исключено давление интервьюера, из-за которого может быть искажение событий, неполное их раскрытие. Жанровая тематизация служит для удобства исследователя. Однако такой подход объясняется привычками повседневности, когда любой повседневный опыт переносится в текст, что часто бывает необоснованно: «В краткосрочных рамках повседневности, в обычных условиях идентификация поступков действующего лица, события, жертвы и виновника (следствия и причины) — банальности жизни, установки практического сознания, которые без всякой рефлексии переносятся на уровень жизнеописания» [3, с. 76].

В. Б. Голофаст не исключает культурный контекст, связывая его с коммуникативной компетенцией как средством понимания, через которую автор не выпадает из контекста, находится внутри него. Появляется проблема идентификации авторского Я с описываемым материалом. В работах Голофаста есть ссылки на «коммуникативные обстоятельства» — те внешние силы, которые ограничивают и направляют повествование: культурные концепции, читатели, редакция, цензура и т. д., но, несмотря на это, «основной методологической проблемой оказываются различия в онтологических установках здравого смысла (отраженных в автобиографии и в той или иной мере индуцированных ведущей тематизацией) и в установках исследователя, отраженных в прочтении биографии, ее анализе, социологической (вообще познавательной) проблематике» [3, с. 77].

Автобиографические повествования — это не только повествования о своей жизни, но и контекстуально информация о современном культурном состоянии. Одним из наиболее знаковых в исследованиях В. Б. Голофаста явля-

ется исследовательское разделение автобиографических повествований на три слоя, разделенных по содержательным уровням: бытовой, событийный и умозрительно-экзистенциальный: «Первый слой — рутина, личный, семейный, групповой быт, область устойчиво воспроизводимых действий, мыслей, чувств и обстоятельств. <...> Второй слой автобиографического повествования — событийная сторона жизни, событийная культура. Личные и общественные события — обычный предмет анализа биографий. Отметим, что события — это тоже, как правило, рутина, но макроструктуры жизни — семейной, местной, городской или социальной. <...> Третий слой биографических повествовательных структур — это тайная, скрытая сторона жизни, ее загадка, судьба, малопонятное или безнадежно непонятное, пугающее, неожиданные совпадения, провалы» [4, с. 408]. Для социолога наибольший интерес вызывают первые два слоя, поскольку исследуется надличностный, социальный смысл содержания автобиографий.

В социологии интерес представляют преимущественно простые люди, не выдающиеся, не художники, не философы, поскольку целью исследования является адекватная репрезентация современного состояния общества, конструирование повседневности. Нарративы составляют часть качественных социологических методов. Проблемы интерпретации в рамках качественного исследования подразделяются на реалистические и нарративные, где первые — это свидетельства о фактах социальной реальности, и исследователь стремится составить полную картину из биографического нарратива, известных из других источников фактов жизни и таким образом воссоздать социально-историческую реальность, т. е. здесь реконструируется фактическая повседневность. Нарративный же анализ рассматривает «совокупность конкретных приемов работы с текстами, которые различаются по степени формализации и фокусу исследовательского интереса» [2, с. 496]. Нарративный анализ предполагает не только семантическое исследование текста, но и совокупность культурного контекста и объяснительных культурных традиций подобного рода опыта.

Для социолога важным свойством автобиографии является анонимность описываемых событий: «Без ее учета исследователь утратит шанс выйти за пределы обыденного смысла, обиходной речи при попытках интерпретации биографических материалов. <...> Задача обнаружить под тканью жизни социальную структуру, культуру и их механизмы останется неразрешимой» [3, с. 76]. Анонимность служит еще и для того, чтобы исследователь держал дистанцию между собственной интерпретацией и мнением автора биографии.

Социальные изменения, которые больше всего интересуют социологов, редко обозначаются в тексте, поэтому этот материал нужно «извлекать» при помощи тематизации или искать по косвенным признакам. Социально-культурные эпизоды затмеваются повседневностью, обыденным восприятием действительности. Исключение составляют те событийные моменты (второй слой биографического повествования по Голофасту), которые выносят наружу поступки и убирают анонимность.

В социологии важным вопросом является уровень рефлексивности нарративов обычных людей, вне зависимости от того, какого типа этот текст — спонтанная автобиография или тематизированная. В философских исследованиях такой проблемы обычно нет, поскольку философские тексты изначально рефлексивны по своей сути, экзистенциальные вопросы поднимаются в текстах писателей, поэтов, ученых, музыкантов, художников, т. е. анонимности, важной для социологии, нет. Биографическая реконструкция и реконструкция повседневности возможна в рамках жизни конкретного человека или семьи, если биографический материал принадлежит уникальному человеку, т. е. для социологии такие дневники не представляют интереса, поскольку не дают представления о «типичных представителях» и социальных изменениях на уровне общества.

В философских исследованиях подход к изучению эго-документов находится под другим углом, с точки зрения индивидуальности и личности автора. Сам эго-документ рассматривается как текст автора о себе. С. И. Пискунова вводит понятие «философский эго-текст», который рассматривается как «текст культуры, написанный мыслителем о себе, в котором субъект и объект познания тесно переплетены. <...> Личность мыслителя представляется скорее познающей, нежели познаваемой в отношении самой себя» [5, с. 6]. Автор обращает внимание не только на содержание философской работы, но и на личность исследователя, где во главу угла становятся «Эго», «Я». Таким образом, для философии интерес представляют именно философские тексты, документы личного характера, которые через призму обыденной жизни помогают понять творческий путь автора. Кроме того, исследование эго-документов в философии, а именно в философской антропологии, связано с философской интерпретацией и рефлексивным потенциалом документирования жизненного пути человека: «Человека отличает потребность и способность осуществлять саморефлексию; через отношение к самому себе, взгляд на самого себя со стороны он понимает и оценивает себя в своих проявлениях» [6, с. 69].

Размышляя с философской позиции о роли автора в повествовании и структуре авторского текста, А. Б. Николаева использует герменевтический метод для рассмотрения жизнеописаний, т. е. применяет герменевтические процедуры интерпретации, толкования, объяснения именно к биографическим текстам. Имея междисциплинарный характер, исследования жизнеописаний в рамках герменевтической методологии лежат в области гуманитарных наук: «Понимание научно-биографического текста отличается интердисциплинарностью используемых приемов, поэтому оно обладает филологическим, философским и историческим характером» [7, с. 30]. Таким образом, понимание как одну из процедур герменевтического подхода применительно к биографическим жизнеописаниям автор обозначает как «связь между наукой и философией, ...способ постоянного вопрошания и поиска ответов» [7, с. 30].

Заключение (Conclusion)

Для социологического подхода важна фигура исследователя, его личность и компетентность при сборе материала, которая может повлиять на полноту рассказа или, в случае с письменным изложением, на те вопросы и то тематическое ограничение, которое ставит исследователь. В случае философии фигура исследователя не проявляется явно на этом этапе, каким-либо образом повлиять на автора невозможно (если только опосредованно, когда автор ориентируется на фигуру читателя и в этом контексте может исказить изложение в целях лучшего понимания читателями, но для «экзистенциальных», философских содержательных текстов это не является проблемой, поскольку авторы, как правило, не подстраиваются под читателя).

Философский подход не ставит своей целью сконструировать объективную картину социальной составляющей общества, зачастую нет цели составить и объективную реальность автора.

Важным отличием социологического подхода от других является способ отбора и получения эмпирического материала — информант рассказывает интервьюеру о своей жизни по заданным вопросам, пишет автобиографию на определенную тему по просьбе исследователей, т. е. делает это всё не совсем по собственной воле, не потому, что есть потребность высказаться. В других науках таких явных ограничений не наблюдается, даже художественные автобиографии, состоящие из вымысла с элементами описания действительности, пишутся по своему желанию. Также в социологии одним из основных интересов представляется фиксация социальных событий, то, что произошло фактически, в философии, наоборот, больший интерес вызывают внутренние интеллектуальные рефлексивные переживания. В социологии автобиографические документы, как правило, анонимны, авторство не важно, как не важен человек, важно только то, что он является частью чего-то большего: общества, общности, кластера.

Социология рассматривает общие закономерности развития общества. Для того чтобы сформулировать объективную картину, требуется рассмотрение типичных случаев, того, что свойственно обществу в целом, в таком случае уникальное, особенное не представляет интереса. Задачи социологии сосредоточены на отслеживании закономерностей в функционировании общества, и несмотря на то, что автобиографический метод постулируется как качественный, предполагается рассмотрение определенного количества материалов, чтобы сформулировать релевантный вывод, т. е. одного уникального случая недостаточно, нет индивидуального подхода.

Таким образом, несмотря на различия в подходах к исследованию эго-документов, на разные цели исследования, социологические подходы к исследованию документов личного характера наряду с общенаучными методами вполне могут быть полезны в философском исследовании.

Библиографический список

1. Bourdieu P. L'illusion biographique // Actes de la recherche en science sociales. 1986. P. 69–72.
2. Цветаева Н. Н. Автобиографические нарративы как ресурс для изучения социально-культурных изменений // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 490–499.

3. Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88.
4. Голофаст В. Б. Три слоя биографического повествования // Социология семьи. Статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. СПб. : Алетейя, 2006. С. 407–411.
5. Пискунова С. И., Виноградова И. Б. Актуальные тенденции в творчестве современного философского эго-текста // Гуманизация образования. 2014. № 3. С. 6–13.
6. Мордовина Д. А., Невелова В. С. Документирование жизненного пути человека: документы о человеке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 392. С. 69–72. DOI: 10.17223/15617793/392/11
7. Николаева А. Б. Понимание, объяснение, интерпретация, истолкование: четыре герменевтических процедуры осмысления текста научной биографии // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 29–32.